

Историчность событийного бытия

Для репрезентации онтологических концепций истории существует лишь ограниченное число возможных метафор, адекватных с эвристической и эпистемологической точек зрения и, в то же время, приемлемых эстетически – многие ли бы прислушались, поняли и остались бы довольны, заговори кто-то, к примеру, о колебаниях тяжелого осадка на дне клоаки истории? Посему это всегда Река, Поток, Моря и Волны, всегда некие аллюзии к чистоте и надежде, надежде на перемены, на некую новую светлую местность за поворотом реки, вера в спокойную умиротворенность не твердой, не жесткой поверхности и в свободу возможного на ее просторе выбора направлений движения в будущее. Добавим, что, по-видимому, онтология вообще всегда основывается на метафоре, к примеру даже такой, безусловно, основополагающий для любой из ее версий концепт, как становление, с его двойным сопоставлением с бытием и небытием, сущностно метафоричен и в принципе не может быть представлен никаким иным способом.

Осмысленное действие и действие осмысления этого действия, история в обоих ее ликах, при некоем, почти невозможном взгляде на них из на самом деле несуществующего вовне, предстают как чередующиеся валы перманентной бури бытия или, сдвигая нашу метафору от Фалеса к Анаксимену, их можно уподобить неким гигантским сталкивающимся атмосферным фронтам: сравнение тем более верное, потому что фундаментальное чередование осмысленного действия и действия осмысления этого действия на самом деле порождает грозы трансвременных взаимодействий идеального, ибо только идеальное может пересекать межвременные и межсобытийные барьеры и только в нем могут актуализироваться смысловые потенциалы взаимодействия различных миров и времен.

Позитивная наука верит, что благодаря молнии возникли первые сложные соединения вещества и даже первая биологическая жизнь, в нашей метафоре речь идет о еще более невероятном синтезе. Трудно локализуемая в социокультурной реальности топика контакта этих чередующихся бытийных фронтов¹ – осмысленного действия и действия осмысления этого действия² – образует то, что может быть обозначено как поле Возможного всех Возможно-

¹ Но, при всей этой трудноопределимости, действительная история – не утопия, просто ее «именное место», если вспомнить эту хайдеггеровскую концепцию, иного, более сложного и парадоксального свойства, чем у другого знания.

² Несмотря на кажущуюся тавтологию, такая дискрипция этой бытийной дуальности – осмысленного действия и действия осмысления этого действия – представляется вполне оправданной: ведь на самом деле оба эти конститутива разделены временным прерывом и, что особенно важно, их идеальное сущностно гетерогенно. Причем, гомогенизация этого идеального – прямой путь в спекулятивный телеологический «Логоленд» Гегеля, в котором неизбежно уничтожается уникальность индивидуально-экзистентного начала (как если бы некий клан или некую династию считали на самом деле одним существом, чье существование просто неким образом растянуто во времени). Это путь, ведущий теорию истории в тупик панлогической предопределенности. Поэтому чередование осмысленного действия и действия осмысления этого действия, о котором мы здесь говорим, это – категорически – не волнообразные сокращения некой абсолютной идеи.

стей. Данное поле, образуемое совокупностью всех возможных перспективных и ретроспективных каузальных взаимодействий, конфигурируется через посредство динамической симметрии, существующей между двумя сторонами исторического бытия – интенциональным осмысленным действием и его последующим дискурсивным историографическим переосмыслением.

Но, прежде чем продолжить, стоит – коль речь идет все-таки о двух сторонах и их чередовании – попытаться задействовать еще одну визуализирующую метафору структуры исторического бытия: как если бы взять и сложить волнующуюся поверхность моря пополам, волна к волне – то есть речь идет о том, что можно обозначить как событийно-дискурсивная когерентность, при этом нужно иметь в виду, что эта парадоксальная система взаимоопределяющих возмущенных поверхностей находится в биполярном поле взаимного тяготения смыслового (каузального) свойства³.

Чередование осмысленного действия и действия осмысления этого действия образует событийно-дискурсивный темп бытия и именно этот темп лежит в основе самой темпоральности культурного мира⁴. Это значит, что от глубины и эффективности осмысления прошлого зависит, причем зависит с онтологической необходимостью, когда наступит будущее и каким оно будет.

Если сейчас отвлечься от каузальной схематики, то вопрос о поле Возможного всех Возможностей следует, как представляется, еще больше радикализировать – ведь речь, на самом деле, идет о следующем: есть ли в интервале между прошлым и будущим что-то, помимо момента актуального настоящего, или, более точно: что вообще в действительности находится в этом бытийном интервале?

Уточнение «в действительности» в формулировке данного вопроса не является случайным моментом риторики – как это достаточно легко предположить, между прошлым и будущим находится бытийный регион действия. Но в этом месте, которое так называемая теория действия считает неким последним гносеологическим рубежом, позволяя себе в лучшем случае (случае Э. Питца) обратиться сверх того лишь к психологизму мотивов, следует задать следующий, несколько далее идущий вопрос: а что стоит за действием, в чем заключается действенность самого действия?

Действие, по крайней мере, действие историческое, есть приведение чего-либо к действительности и/или изъятие чего-либо из таковой. Действительность чего-либо подразумевает его наличие в качестве сущего, исторически значимая действительность, сверх того, требует, что бы это сущее наличествовало в качестве intersubjectively доступного, то есть наличествовало в качестве сущего культуры.

Но осуществить можно только замысел, а замысел суть определенным образом организованное мыслимое. Мыслимое замысла – это, конечно, что-то желаемое, то, что хочется осуществить, то, что хочется иметь в реальности. Именно отсюда, от этого настоятельного желания реализации замысленного и проистекает потребность упомянутой особой организации мыслимого замысла, организации, делающей его осуществление максимально вероятным. Желаемое мыслимое как содержание замысла еще до самого акта своего осуществления должно иметь в себе некий залог, некое вызывающее доверие обещание собственной будущей реальности, должно содержать некую явно определяемую потенцию стать осуществленной действием действительностью.

Именно обещание реальности и отделяет замысел от идеи, мечты или простого желания. Но что же именно порождает это обещание реальности, каким каче-

³ Или как если бы у Луны был свой океан и гравитационные взаимодействия связывали его приливы и отливы с таковыми океанов Земли.

⁴ Темп, а не ритм, потому что речь идет о динамическом чередовании качественно различного.

ством должен обладать замысел, чтобы содержать в себе это обещание, чтобы быть, ни много, ни мало, возможной дорогой к реальности?

Мысль как замысел, мысль, структурирующая себя как план осуществления – суть попытка быть, быть неким специфическим образом. Проективная мысль – это мысль бытийная, мысль-замысел, несущая в себе возможную будущую ситуацию, состояние, связь; эта мысль – возможная судьба большей или меньшей области сущего, мысль замысла является, по-сути, элементом самого бытия, пусть и находящимся еще в модальности «возможно будет», в модальности вступающего в мир и еще не определенного/определенного до конца бытия сущего.

В терминах данной статьи, возможно, слишком близких для кого-то к языку философии науки, мысль-замысел – это паратеоретический паттерн неспонтанного интенционального действия. Как химическая реакция в не до конца контролируемых условиях или как математическое уравнение со стохастически изменяющейся переменной, с большей или меньшей долей случайности, с ошибками и слабостями, привнесенными создающим и осуществляющим их человеческим разумом, паратеории действия, тем не менее, переводят событийные ситуации культурного мира из состояния А в состояние Б.

Таким образом, исторические события – это бытийные узлы интегральной со- и контр-реализации паратеоретических паттернов неспонтанных интенциональных действий. Их формирование, конечно, всегда контаминировано случайностями, эксцессами проявлений воли и ошибками⁵. Но именно в них различные и в том числе комплементарные и антагонистические паратеоретические паттерны действий соединяются в многомерную конструкцию идеального такой сложности и такой продуманности, что она может уже «держаться» реальность, служить ее смысловой основой, может быть формой полноценной событийной реализации идеального в объективную историческую реальность. И, наверное, невольно возникающая в этом месте нашего изложения метафора железобетона вполне может быть оправданной – хотя бы этимологически – ведь речь действительно идет о конституировании события в его абсолютной исторической конкретности (международное название упомянутого строительного материала, как известно, является производным от латинского *concretio*).

Насколько идеалистична – в простом, школьно-вузовском понимании идеализма – эта предложенная нами трактовка? Предположим, что достаточное количество (определение критериев достаточности этого количества, заметим, находится вне тематических границ данной статьи) активных членов некоего общества решит, что они желают жить в правовом государстве. Допустим также, что это их желание, вследствие воли и знаний, которыми они обладают, может быть структурировано в паратеоретические паттерны неспонтанных интенциональных действий – действий, направленных на достижение указанного состояния правовой и политической систем. И пусть не сразу, но в несколько событийных этапов, с ошибками, непониманием и борьбой, состояние правового государства будет, несомненно, достигнуто⁶. А это значит то,

⁵ Случайное и неизвестное, ошибки и заблуждения, любые несовершенства и привагии имеющегося в наличии – это, по-видимому, некие «катализаторы» процессов осуществления. Пустые или непрочные области наличной структуры мироустройства суть потенциальные возможности для дальнейшего бытийного движения. В сплошном и бездрожном парменидовском бытии новому негде было бы «развернуться», для него там попросту не было бы места. Совершенное «не заводит» новых причинных связей, они ему попросту не нужны.

⁶ Приведенная ситуация имеет, разумеется, гипотетический характер, но вполне можно было бы говорить и о реальных исторических случаях – о Чили последних нескольких лет перед уходом Пиночета, например.

что время назад было только идеальным мыслимого, было «лишь» содержанием замысла, станет объективной социоисторической реальностью.

В большинстве дискурсов современной философии истории, пусть и с разной степенью экспликативности, присутствует тезис о том, что история, как на внутридисциплинарном, так и на метатеоретическом, философско-историческом уровнях, сущностно проблематична. Мы никогда не будем окончательно знать, что она в точности такое и какова ее абсолютная онтогносеологическая конституция, точно так же, как мы никогда не будем в точности знать, каков в точности сам ее агент – человек.

Не затрагивая пока, казалось бы, беспроигрышную отсылку к принципиальной неисчерпаемости антропологической проблематики, попробуем ответить на следующий вопрос: как следует понимать сам этот статус – проблематическое – применительно к историческому знанию? Мы не раз уже отмечали в наших ранее опубликованных работах, что, конечно, абсолютное и окончательное, не нуждающееся в дальнейших интерпретативных усилиях знание о прошлом принципиально недостижимо. Однако само чередование событийно-дискурсивных конститутивов исторического бытия указывает, в нашей трактовке его онто-гносеологической схематики, на реальное существование уровня действительно-достаточного знания о прошлом – исторического знания, достаточного для совершения продуманно учитывающего прошлое исторического действия.

Достаточность, о которой здесь идет речь, если спроецировать ее на упомянутый выше аргумент о неисчерпаемости антропологии, означает следующее: хотя, безусловно, человек как таковой, во всей полноте его существования, неисчерпаем, тем не менее, человек-агент исторического события, рассматриваемый в момент принятия или непринятия им значимого, определившего ход развития событийной ситуации, решения, может быть эксплицирован – именно в этом своем качестве инстанции значимого решения⁷. И именно поэтому история, трактуемая как метатеория паратеоретических оснований действий агентов событий прошлого, может оказаться весьма эффективным инструментом исторического познания, причем эффективным как с чисто гносеологической, так и с прагматической точек зрения. Последняя особенно важна потому, что, как мы увидели, история как знание суть конститутивная часть самого бытийного строя, история это никоим образом не «надстройка», она неотъемлемая часть самой структуры, самого «базиса» культурного бытия.

Проблематичность, в случае познания прошлого, означает отнюдь не якобы присущую ему гносеологическую привативность, скорее, наоборот: здесь проблема – это форма длящегося, возможно, бесконечного генезиса интерпретативного смысла. И смысл этой длящейся добычи смыслов на самом деле в том, что добытое, смыслы событий исторического прошлого постоянно используются процессами социокультурной эволюции настоящего и будущего⁸. При этом меняющийся со временем и в зависимости от ситуации характер этих процессов является определяющим фактором формирования специфики текущей потребности в дискурсах знания о прошлом; именно эти процессы определяют генеральное направление интерпретации и реинтерпретации исторического прошлого. Это, в свою очередь, означает, что, с онтогносеологической точки зрения, именно постоянно происходящий в социо-

⁷ Или решения касательно характера рецепции чужого решения.

⁸ История как комплекс дискурсов актуального знания вынуждена соответствовать запросам времени, какими бы они ни были; «всякая история есть история современная», как говорил Б. Кроче [1, с. 9–10]. И никакое стремление к фактографичности не сможет это изменить, факты сами суть структурные элементы инкорпорирующих, детерминирующих их интерпретативных систем, «каждая интерпретация фактов придает им новый смысл. Факты как бы приобретают качество, которым не обладали прежде» [2, с. 165].

культурной реальности генезис будущего вновь и вновь проблематизирует историческое прошлое, репрезентируемое историей. И именно поэтому де-проблематизацию прошлого следует рассматривать как несомненный симптом грядущей катастрофы развития.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, можно утверждать, причем, как представляется, с достаточными на то основаниями, в том числе и метафилософского плана, что метатеоретический подход позволяет рассматривать историческое знание как не менее эпистемологически состоятельное и онто-гносеологически обоснованное, чем любое другое знание, получаемое в сфере его институализированного производства.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. **Кроче, Б.** Теория и история историографии / Б. Кроче. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
2. **Вригт, Г.Х. фон.** Логико-философские исследования / Г.Х. фон Вригт // Избранные труды / Г.Х. фон Вригт. – М.: Прогресс, 1986.

S U M M A R Y

The hypothesis, underlying the given article, can be briefly presented as follows: the projective idea of a plan of historical action is an idea of Being, carrying in itself a possible future situation, probable destiny of greater or smaller area of reality. This, in turn, gives right to interpret historical events as Being units, produced and integrated by co- and counter-realizations of such ideas.

Поступила в редакцию 28.08.2008